

Третья Атмода и латвийская «еврожизнь»

Дружба народов в интерпретации Регины Эзере

Борис Инфантьев

Писательница Регина Эзере — одна из тех немногочисленных латышских литераторов, которая всегда шла «в ногу» с господствующей идеологией, и хотя не достигала уровня сознательности Анны Саксе, все же стремилась писать так, как положено писателю «социалистического реализма».

Теперь же, с самого начала изменения политической и национальной ситуации, моментально создает произведения более чем на актуальную тему.

В рассказе «*Viņa dzīves skaistāka loma*» («Прекраснейшая роль в его жизни») повествуется о том, как главная героиня этого произведения Евгения Онегина (так!) превратила своего мужа-латыша в такого денационализированного космополита, которому совершенно все равно, на каком языке читать газету — на латышском или русском.

Весьма скоро получилось, что латышский язык оказался ненужным им обоим. Они успешно обходились и без него. Понемногу он начал слушать больше «Маяк», чем Ригу, и даже «Ригас Балсс» покупал на русском языке. В первый раз это произошло случайно — экземпляров на латышском языке в киоске не оказалось. Позже он решил: разве не все равно? Может быть, газета понадобится жене. Ей газеты обычно были не нужны. Но разве они не могут пригодиться?

Они обычно во всем соглашались между собой, но тут их захватила великая беда, которую впоследствии назвали Пробуждением Народа. Что-то непонятное пробудилось и в его душе. Почти вроде как бы с удивлением он

вспомнил, что он — латыш. Его начало корчить, а потом и бесить все, с чем он до сих пор мирился, не чувствуя в том никакого дискомфорта. Например, то, что жена не говорит по-латышски, а свой язык навязывает ему, что она слушает только «Маяк». Хочет он того или не хочет — он должен слушать «Маяк». Он начал обвинять жену даже в том, в чем она и не была повинна — в том, что она не только «Ригас Балсс», но и криминальные романы читает на русском языке. Хотя жена не читала ни газет, ни книг, и вообще ничего не читала.

Он расстроился настолько, что стал ненавидеть имя дочери — «Татьяна», хотя имя это было придумано им самим, а не женой. Ведь от сочетания «Евгений Онегин» и «Татьяна» шел такой запах романтики, что он окончательно захмелел.

Стр. 217.

В жене проснулась жуткая патриотка. Не приходилось удивляться национальной войне, которая началась и в их семье, в которой каждая половина отстаивала превосходство своего народа и языка и не собиралась сдаваться, когда стало очевидным, что жена не только участвовала в сборищах Интерфронта, но и выступала на них.

Взаимоотношения достигали уровня температуры кипения, и произошло что-то совсем трудно допустимое — первый раз за все время оба подрались. Ни один, ни другой впоследствии не мог сказать, кто ударил первый.

С работы домой он ехал, как в тюрьму. «*Pūķa ola*» («Яйцо дракона»).

Если в предыдущем рассказе еще нет трагического исхода, то таковой наметился и реализовался в ином рассказе, по мотивам которого латышские киношники-патриоты тут же сняли фильм, усилив и уточнив некоторые намеки писателя. Действующие лица — в прошлом знатный и заслуженный тракторист Апполон Алексеев, называемый в повествовании Янисом, поскольку у латышей все Янисы. Даже праздник, придумать надо, — Янис. — Народ без фантазии, — *dallše nekuda*.

Героиня — в прошлом знатная и заслуженная доярка — Ева Лакстигала, называемая в рассказе Мирдзой — так, как ее называет, как и всех латышек, Апполон-Янис (стр. 132).

Стр. 133.

Бывшие люди из колхоза «Беларусь» вспоминают бывшие счастливые времена, когда их уважали как знатных людей, как героев, о них печатали в газетах, награждали. Как приятно это вспоминать нынче, когда все в прошлом, опустошая очередную бутылку

— Выпив, он удовлетворенно крикнул.

— А ты? Почему ты не пьешь? Ну, *davaj, davaj!* Ах, да! Один Янис у тебя, кажется уже был. Правда, не академик, не собственно грузчик, не собственно экспедитор, не собственно экскаватор, не собственно ресторатор, не собственно рефрижератор.

— Некоторое время он был моим мужем, — сказала Мирдза.

— Ха! И к нему же только подходят! Ну, как это говорится? *Snishoditeļno?* «Некоторое время» и почти муж.

Она тоже выпила то, что называют не только грубо «лергой», но ботанически «ржаной» («*rudzītis*»), патриотически «родиной» («*dzimtene*»).

— Закуси, иначе завтра будет похмелье!

Стр. 135.

Между прочим, он, правда, не говорил «Йохайди!», а от удивления вспоминал мать.

Стр. 137.

Мирдза — «*maļenkaja, no udaļenkaja*». «*Sorok let — babij vek!*»

(Вспоминают какое-то награждение, — Б.И.)

Стр. 138.

— Ну, золотце. Все равно надо отметить! Эх, *šort!*

Апполон собирается ехать в город Елгаву (к другой Мирдзе).

— Прихватизация здесь у вас на высоком уровне!

Стр. 146.

— Домой, в Россию! — воскликнул он патриотически, хотя держал курс только в Елгаву, к Мирдзе, ботаническое имя которой он тоже упростил в «Мирдзу».

Стр. 147.

Везет, как *utoplēnniku*, — сказал Апполон, когда автобус, который должен был увезти его «в новую жизнь», как это часто бывает в латвийской провинции, не приехал, и Апполон вместе со всеми немногочисленными провожающими был вынужден возвратиться «на круги своя», к той же самой опечаленной его отъездом «Мирдзе».

— Стоп машина, нет бензина, — отшучивается русской поговоркой один из провожающих, Карклиныш. Там ли в России, там ли в Нероссии — Мирдза или Велта, или Нина... «*Sudba igraet šelovekom*».

Стр. 148.

Кто кому давал в морду, после кого — после Андропова или Черненко — сгорела сушилка, кто почти застрелил лошадь лесничего, кто кого поймал с чужой женой и сожигательницей...

Появляется «главное действующее лицо» повествования — блестящий при электрическом свете топор, которому суждено будет скоро сыграть в повествовании главную роль. В фильме этот топор, представлен особенно эффективно: крупным планом в центре кадра, сияющим, бросающим отблески, освещающим все вокруг.

Стр. 151.

Вновь воспоминания. Рассказывается о Почетных досках, Почетных грамотах, былой славе, которой пользовались в те счастливые времена оба героя повествования.

Стр. 155.

В нем забурлила тоска по России, навалившись так неожиданно, что оказалась сильнее его.

— Ох, вы, кони мои, воронные, — он запел весьма терпимым сочным басом.

Стр. 156.

Воспоминания о колхозе «Беларусь», где оба снискали трудовой почет и уважение.

Стр. 157.

И он во сне видел Россию — прекрасней страны не было, особенно когда в долинах стрекотали коростели, сладко пахли костры, тепло дымилась Волга.

Ах, ты, Волга-матушка!

С ним происходило что-то непонятное. Он

быстро встал чтобы до земли поклониться Ей, испросить прощения у Волги, которая, как и Мирдза, была женщиной, которую он предал и бросил, как всех Мирдз, которых он бросал и которых только сейчас собирался бросить. Может быть, судьба ему прошептала, что он никогда не увидит Россию.

— Пилит, как пилот по яйцам.

Стр. 160.

Появляются крысы как символ той разрухи и грязи, в которой оказались некогда знатные люди. Им суждено как бы показать Мирдзе тот путь отчаяния и преступления, на который она всего лишь через непродолжительное время вступит.

Стр. 161.

«Мирдза» потрясена нахальством крыс, не стыдящихся показывает свое бесстыжее рыло людям. Проует топором убить бесстыжую крысу, однако у нее на это не хватает ни сил, ни сноровки. Единственный выход — призвать на помощь храброго и отважного мужчину. И вот «Мирдза» вручает ему тот самый топор, и просит убить бесстыжую тварь.

Апполон берет топор, направляется к крысе, но вместо врученного Мирдзой топора Апполон берет только полено. Предполагается, что для крысы большая честь быть убитой топором. С нее хватит и полена.

Стр. 161.

В свою очередь, он, как бы себя подбадривая, запекает в честь полена почти что голосом самого Федора Шаяпина — «Эх дубинушка, ухнем!»

Стр. 167.

Существует такое мудрое народное изречение: «Коли сука не захочет, кобель не всочет».

Стр. 172.

Опять песня — «Очи черные, очи страстные!»

Стр. 180.

Хотел ли он этого или не хотел, но поехать на Русь, о которой он так мечтал, так и не пришлось. Как произошла развязка, то есть то, к чему автор повести подготавливал читателя на протяжении предыдущих страниц, писатель так и не рассказала. Или у нее не хватило мужества взяться за такое ответственное описание. Но читатель узнает о самом событии как уже о свершившемся факте: соседи, удивленные подозрительной могильной тишиной, которая воцарилась в домике «Мирдзы», проникают в помещение и обнаруживают убито-

го топором Апполона и тут же повесившуюся «Мирдзу».

На кладбище собрались и латыши, и немцы, и русские, и нерусские, в том числе восемь гуцулов, три цыгана, даже один туркмен, так что похороны превратились в интернациональное мероприятие. Это была подлинная дружба народов, которая бурлила у стола угощений, как река в половодье, выходя из берегов и набирая силу. Гроыхала и начинала затапливала, как в половодье, которое традиционное «за упокой» утопила в громком русскоязычном песнетворчестве:

За упокой, за упокой.

Человек был неплохой.

Любил выпить, закусить

И под лытку запустить.

И когда развитие событий приняло такой соблазнительный поворот, девушки, которые поначалу были такими пугливыми, собрались и зашептались о таинственных голосах и загадочных звуках, которые слышали в ту загадочную судьбоносную ночь; не могли успокоиться в своем разумении и выплеснули на чистейшем латышском языке:

Пиво дали в бидоне, колбасу пекли на сковороде.

И все завершилось тем, что многонациональное общество солидаризировалось в азартном предчувствии, что «у моей груди ты черта увидишь» (латышская песня). Фильм, как уже говорилось, продолжил и дополнил, соответственно переживаемому моменту задуманное Региной Эзере повествование.

У бывших колхозников, разгоряченных винными парами и проявлением национального народного творчества различных национальностей, не могли не пробудиться острые патриотические чувства и национальный патриотизм. У латышских девушек возникает мысль о том, как можно в одной могиле хоронить презренного инородца-обидчика и чистокровную латышку. Сказано — сделано, и могила вновь разрыта, и вот-вот каждый будет похоронен в своей могиле.

И тут, как на зло, появляются организованные газетой «СМ-Сегодня» киношники, чтобы заснять «дружбу советских народов в Латвии». Однако в силу сложившихся «неблагоприятных» обстоятельств фильм получился таким, что Российское правительство было вынуждено опубликовать заявление «О преследовании русскоязычных в Латвии».